

Юлия Ерременкова

ДВА РАССКАЗА

ИГНАЦ

В ночь перед ураганом было не заснуть. Несколько часов ворочалась на незнакомой кровати, все мешало — шершавая простынь, мягкий матрас, покашливание за стеной, ароматизированный едкими средствами для уборки воздух номера, мысли о том, кто спал здесь до меня и чей волос лежал на подушке. Гостиница стояла в чешском лесу, и в темноте за окном мне мерещились то рога и фигуры оленей, то ожившие и марширующие под усиливающийся свист ветра ели, барабанившие иголками по стеклу.

Я встала, попила воды, надела куртку, штаны, кроссовки и вышла из номера. В коридоре сразу зажегся свет, мутно-желтый, тускло-дымчатый, на него невозможно было опереться, чтобы уверенно и без страха идти, ноги словно таяли в сером ковролине, не издавали звуков. Я спустилась по лестнице и оказалась на первом этаже, монитор компьютера ярким фонарем освещал стойку ресепшена. Пустое кресло, коробки с ключами, туристические буклеты с маршрутами по Богемской Швейцарии, в вазе искусственные цветы. И вдруг крик. Короткий крик, похожий на стеклянную ноту разбитого бокала, которая искривлено тянется в тишине. Кричали в зеркало, в котором я увидела невысокую девушку в свитере, с распущенными волосами и себя в куртке. Ужас, как слепая буря накрыл тело, несколько секунд не давал ничего понять, вернул в детство, когда в подъезде я мельком увидела пиковую даму из рассказов подруги, которая учила ее вызывать. В пиковую даму я не верила и тем страшнее было от нее бежать — с закрытыми глазами на седьмой этаж по лестнице. Вернул в момент, когда я шла два года назад в марте по пустому парку во Фридрихсхайне и вдруг передо мной упал воробей — именно его мертвое тельце, а не сумасшедшие новости про новый

смертельный вирус, локдауны и закрытие границ парализовали страшным осознанием, что мир, в котором я родилась, сломан, теперь все возможно, даже падающие из повторяющегося кошмара птицы и облака.

Ужас длился несколько секунд и перешел в смех. Девушка дотронулась до меня несколько раз, попыталась что-то сказать, но выходили только истеричные всхлипы. Смех ее — звонкий, легкий, как свет после показа фильма в кинотеатре, — быстро включил реальность. Холл гостиницы, графин с водой; мы выпили по глотку, отдышались, пожелали друг другу доброй ночи и вернулись каждая на свое место, она — к компьютеру на ресепшне, я — в неудобную кровать. Ветер сильно бил в окна, но стук этот убаюкивал. Я повернулась к крепко спящему мужу и быстро провалилась в сон.

Утром выяснилось, что в отеле нет электричества. И невозможно высушить феном волосы, выпить чай, съесть яйцо, заплатить за ночевку. На ресепшне за компьютером сидела другая девушка — с короткими волосами и виноватой улыбкой. Она долго извинялась и просила не беспокоиться, заплатить можно и потом, посоветовала позавтракать в соседней деревне, оставить там машину и прогуляться до Правчицких ворот.

Мы ехали вдоль залитых солнцем зеленых, почти альпийских лугов, вокруг пылали золотом кленовые и дубовые шапки, за десять минут дороги увидели лишь двоих мужчин — с рюкзаками, пивом и в походной одежде они фотографировались на фоне быков.

В соседней деревне тоже не было электричества. В ресторане, который находился в здании бывшего замка, мы пытались объяснить, что будем рады любой еде — хлебу, шоколаду, апельсинам, не надо ничего готовить и греть, заплатим наличными, хоть кронами, хоть евро, но работники разводили руками, говорили, что без электричества не могут нам помочь, касса не работает, воды, сети и интернета нет, никуда не дозвониться, неясно, что за авария и сколько будет длиться. Мы уже прощались и открывали входную дверь, когда нас окликнул повар и сказал, что если мы не против позавтракать вчерашней похлебкой, то он подогреет ее в котелке на костре и с удовольствием угостит нас.

Мы прошли в огромный зал с блестящим паркетом и длинными пустыми столами. Оливковые шторы с ламбрекеном на высоких окнах, хрустальные люстры, картины с сюжетами охоты,

зеркала. Официант поправил белую скатерть, зажег свечи, усадил нас в центре зала и пошутил, что мы жених и невеста, к которым никто не пришел на свадьбу. Телефон показывал, что сети нет, за окном светило солнце, из трубы узорчатого деревянного дома напротив ресторана тихо струился дым. Впервые в жизни мы завтракали похлебкой из белых грибов в бывшем замке. Тепло растекалось по телу, казалось, что суп снимает тревогу, убаюкивает, как чай, которым фавн в «Хрониках Нарнии» поил Люси. Никаких страшных и абсурдных новостей. Зеленые луга, осенняя листва, запах грибов, коровки, идиллия. Нам было так хорошо, что даже, когда при выходе из ресторана на наших глазах высокая ель упала рядом с забором соседнего дома, мы беспечно продолжали махать официанту и говорить, что прогуляемся до гор и Правчицких ворот.

Казалось, что ветер стих, почти не было облаков, только по воспаленному глазу солнца можно было заметить, что с природой что-то не то. Тишина была временной, словно все замерло, боясь разбудить невидимого великана, готового разрушить и небо, и землю, и все вокруг. Было легкое предчувствие, что идти не стоит, но тепло все еще разливалось по телу, а лес, переливающийся на солнце колодой разноцветных красок, как радуга после грозы, обнадеживал и звал в себя. Мы прошли едва ли километр, как услышали треск, похожий на приглушенный крик. Кричали в лесу. Кричали деревья. Крик эхом разлетался по воздуху. Крик за криком ломал ветки и деревья; как безоружные, приговоренные к смерти бойцы, в хаотичном расстреле валились они после невидимых пуль палача на землю. Деревья падали по-разному. Некоторые целиком, вывернув корни и землю. Некоторые с аккуратным надломом на стволе. Некоторые при падении парили, замедлялись, цеплялись ветками за живых, обрывая желтые листья, разлетаясь щепками.

Ветер грохотал все злее, но мы уловили его такт, паузу, которую он брал, чтобы зарядить пушки снарядами, и бежали из леса в тишине, а во время расстрела замирали, смотрели, кого ранило. В голове была только одна мысль. Надо спастись от апокалипсиса.

Мы добежали до машины, включили радио и узнали, что апокалипсис зовут Игнац. Во Франции, Германии и Чехии нарушено

транспортное сообщение. Игнац суров — ломает не только деревья, но и крыши домов, срывает линии электропередач, переворачивает людей и садовую мебель. В Чехии обесточены сотни тысяч домохозяйств. Существует опасность торнадо. «Не улетайте с Игнацем. Крепко держитесь за землю, хорошего дня, а для отличного настроения вот вам АВВА», — ведущий попрощался, на лобовое стекло полил дождь, мы перестали видеть мир снаружи. Никаких падающих деревьев. Веселые голоса «you can dance, you can jive... dancing queen» перебивали вой сирены, предупреждающей об опасности.

Не успела песня доиграть, как в машину постучали. Человек за стеклом был размыт, он как будто таял. Я открыла дверь, женские бледные пальцы потянулись ко мне. Брызги дождя, зонт, ветер, серый плащ, капюшон, лицо не рассмотреть, но звонкий голос я сразу узнала. «Добрый день, простите, пожалуйста, но не могли бы вы мне помочь, нужно добраться до соседней деревни, до Межны. Автобус не ходит, сети нет, такси не вызвать, вам несложно меня подвезти? Это всего десять минут пути, мне очень нужно туда вернуться. Ах, это вы? Вы? Какое совпадение, надо же».

Она сидела на заднем сиденье и все продолжала говорить. «А я так испугалась вас ночью, испугалась, что от бессонных ночей у меня начались галлюцинации. Отель был закрыт десять месяцев. И теперь я работаю много, за весь прошлый год. Это была третья ночная смена, мне слышались шаги, смех, я пошла проверить и увидела у туалета мышей, нет, вы не подумайте, что у нас в отеле грызуны, это было впервые. Я так растерялась, не знала, что делать, и просто топнула ногой, мыши затихли, я проверила все углы, заглянула даже в унитаз, нигде их не было. Еще раз топнула ногой. Тишина. Может, мне показалось? А потом ваше лицо в зеркале, я так испугалась. Мышей не испугалась, а вас — да».

Это развеселило моего мужа, они дружно смеялись с девушкой. Ветер продолжал ломать деревья, несколько раз на машину прилетали ветки, деревья падали совсем рядом, но казалось, что ничего страшного не произойдет, ведь самым страшным была я — в ночном зеркале отеля.

Веснушки у носа, темная челка закрывает лоб, уставшие глаза, морщинки — не так молода, как показалось ночью.

«Четыре года назад один мужчина ушел утром в лес и потерялся. Тоже был октябрь и ураган. Искали два дня. Нашли корзину с грибами. Мужчина лежал под деревом, придавило. Грибы в корзине целые были, много собрал... Почти приехали. Вот там, за тем домом. Видите вывеску с бегемотом? Вы мне так помогли. Зайдите, пожалуйста. Угощу вас».

Помещение, в которое мы вошли, поразило гулом. За столами плотно сидели мужчины, размахивали пивными кружками и, кажется, все одновременно говорили. Наша знакомая прошла к барной стойке, и мужчины, словно они единый организм гигантской сороконожки, повернулись к ней и замерли в совместной тишине.

— Выпьете с нами за Яна? — спросила она нас и пустила из крана пиво. Ловко срезала дощечкой пену, поднесла две кружки.

«Возьмите. За моего жениха, который четыре года назад в этот день ушел в лес и не вернулся. За Яна!»

— За Яна! — гулом отозвались мужчины.

Оленьи рога, свечи, длинные столы, низкие темные потолки, гул голосов. Хрустальные люстры, картины с сюжетами охоты, зеркала, тишина. Кабак. Ресторан, где мы завтракали грибной похлебкой. Грибная корзина в лесу. Падающие деревья. Незнакомый мертвый Ян. Ветер. Ночной крик. Смех. АВВА. Все перемешалось. Жених и невеста, к которым гости ходят не на свадьбу, а в ураган.

ЦАПЛЯ

Горбатая неподвижная цапля плоским рыбьим глазом смотрелась в воду, в ней отражались скрюченные деревья, высокий дом, облака и два темных пятна — я и знакомая продавщица из булочной у дома.

Начиналась весна, под ивой у пруда торчали крокусы и нарциссы, почки набухали, покрывали ветки желто-зеленым инеем, и, если бы не заклеенные лентами скамейки, и не оцепленные, как места преступления, песочницы и качели, и не брошенные на землю мимо урн одноразовые перчатки и маски, можно было бы спрятаться от надвигающегося сюрреализма и ужаса в парке, взять пример с замирающей в бесконечной паузе птицы.

— Вы думаете, она живая? Уже двадцать минут стоит в одной позе и не шевелится. Совсем не шевелится. Может, все же не живая? А кто-то приходит и переставляет ее в разные места. Поднимает ей клюв. Открывает, закрывает глаза.

Я пожалала плечами, а женщина, не дожидаясь ответа, перепрыгнула на другую тему.

— Хотите, я с вами поделюсь туалетной бумагой? Сейчас новое правило — одна пачка в руки одного домохозяйства. Видели, какая очередь у магазина? Вход только с тележками и в масках. Я взяла, но у меня есть дома запасы. Давайте подарю вам, мне не жалко.

Я покачала головой, попятилась, пробубнила, что мне ничего не надо, спасибо и простите, не все понимаю по-немецки. Женщина посмотрела на меня растерянным взглядом, отвернулась и продолжала наблюдать за цаплей.

В следующий раз мы встретились в декабре 2020, тогда уже отменили рождественские базары, но люди не унывали, говорили — ничего страшного, будем пить глинтвейн у баров из одноразовых стаканов. Неделями моросил дождь и, как морок, стирал дни и лица прохожих. В три часа дня было так же темно, как и в два часа ночи, стоило выйти из дома — и ощущение ямы, уже достаточно глубокой, преследовало в разных частях Берлина. Я шла по Бётцевштрассе в сторону парка, на окнах висели гирлянды, на балконах тени от веток деревьев, у закрытого кинотеатра просиял янтарным светом автобус, двери открылись, и из него вышли дети, длинноногий силуэт мужчины, а за ним — женское пальто и маска. Может, я и не узнала бы ее, если бы не голос:

— А ну стойте, стойте! Сколько вам можно объяснять, как надо переходить дорогу!

Дети не слушались, смеялись, бежали по мокрой свинцовой брусчатке. Остановились лишь у киноафиши. На постере крупными буквами было написано: «Оставайтесь здоровыми. Когда-нибудь увидимся». Длинноногий силуэт мужчины ускорил шаг, покосился капюшоном на женское пальто, взял за руки детей и увел их вперед.

Я поздоровалась, она меня не узнала. Смотрела пустыми глазами туда, где только что стояли дети. Голова ее в потрепанном сером берете чуть дрожала, маска подергивалась, напоминая короткий клюв китоглава.

Я решила начать разговор:

— Давно вас не видела в булочной.

— Ах, — вздохнула она и, словно выйдя из тумана, только разглядела, что стоит с кем-то рядом. — Давно. Больше не торгую хлебом.

Открыла лицо, глубоко глотнула воздух, закашлялась, под глазами вместе с морщинами пропечатался след от маски.

Через минуту она дополнила:

— Вышла на пенсию. Времени теперь много, каждый день хожу глядеть в воду.

В пустом парке фонари еле горели. Под ногами хлюпала грязь. Дождь хлестал все сильнее. Мелкие холодные капли неприятно касались лица. Тяжелой походкой, с одышкой, женщина старалась от меня не отстать, шла впритык, но как только я ускорялась — закашливалась, словно просила замедлиться и подождать. В ее слабом шепоте слышалось: *Salve, Regina, Mater, Angelus Domini, Ora pro nobis*. И я вспомнила широкие усы преподавателя римского права, раннюю неотопливаемую электричку, шубы, дубленки в тамбуре, дурноту от духов и запаха перегара и, как прижавшись к окну, повторяла: «*Aequum et bonum est lex legum*» («Справедливость и благо — закон законов»), «*Ibi victoria, ubi concordia*» («Там победа, где согласие»), «*Damant, quod non intelegunt*» («Осуждают, так как не понимают»). Станция «Немчиновка», следующая «Сетунь», электричка следует до Белорусского вокзала.

У закрытого ресторана толпились люди. Сладкий пар шел из их рук. Доносилось: «Мне пунш», «Грог и глинтвейн», «Просто ром».

Я пересчитала мелочь в кармане, встала в очередь, мне сразу сказали: «Правильно, надо пользоваться моментом, с завтрашнего дня продажа глинтвейна на улице под запретом, новый закон». Мужчина в шапке гнома пританцовывал под рождественскую песню «*Kling, Glöckchen, klingelingeling*», я засмотрелась и забыла про женщину, которая больше не торгует хлебом и шепчет на мертвом языке за моей спиной.

Вспомнила лишь вчера, когда остановилась на Хуфеландштрассе у витрины, обклеенной, словно загадочными детскими ребусами, правилами посещения обувного магазина. Рыжие сапоги на высоком каблуке. Ярко-синие ботинки. Вроде удобная колодка, эко-кожа, присмотрелась к цене и увидела отражение. Повернулась — на скамейке, скрючившись, накрывшись черной котиковой шубой, лежит и смотрит рыбьим плоским взглядом, не двигается. Она.

